

Игорь Станович

Танец Шивы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
С76

Станович И.

Танец Шивы / Станович И. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 136 с.

ISBN 978-5-532-95638-4

Драма рассказывающая о становлении и жизненной дороге двух героев. Один из которых спецназовец прошедший чеченскую войну, в силу страшных обстоятельств поменявший имя и внешность, и имеющий на своей душе грех множества убийств. И отсидевший много лет рецидивист, так же с большим грузом грехов. Один из них приходит к Богу. Второй к восточной философии. Они встречаются в самолёте летящем в индийский штат Гоа. Один открывать часовню для православных. Другой искать своего Учителя, вернувшего его в детстве к жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Начало	8
Саня. Часть 1	13
Гриша. Часть 1	33
Саня. Часть 2	44
Гриша. Часть 2	46
Саня. Часть 3	51
Гриша. Часть 3	76
Саня. Часть 4	110
Гриша. Часть 4	119
Окончание	124

«Оттолкнуться от дна можно только достигнув его».

Народное наблюдение

Предисловие

Человек был умён, так умён, что решил докопаться до сути, или истины, это уж кто как называет. Но истина, в отличие от правды, всегда одна. Правда может быть у каждого своя, а суть – едина. Человек был настолько умён, что не мог себе представить истину. Она не поддавалась логическому объяснению, а увидеть он её не мог, слишком она была всеобъемлющая. Ведь муравей, карабкаясь по дереву, не может себе представить его целиком. На стволе, под корой, у него есть муравейник, там кипит жизнь, матка откладывает яйца, рабочие муравьи строят его, а муравьи-солдаты охраняют. Но он не понимает, что всё это находится на дереве, у которого есть крона, корни, и оно живёт своей жизнью. Муравей не может себе объяснить, почему и зачем дерево это делает, и почему и зачем оно терпит его. Муравей даже не может понять, что это дерево. Но муравей глуп и подчиняется законам жизни, Богу, Природе, даже не ведая об этом. А человек умён, он хочет себе и окружающим всё объяснить. И не имеет значения, знает он об этом что-либо или нет. Ведь можно знания подвести под истину... или истину под знания и быть уверенным в своей правоте, верить, что всё происходит именно так, как представляет себе человек. В глубине души он понимал – всё, что происходит, происходит не просто так. Он решил, что его, человека, создал Бог. Когда человеку везло и всё получалось, он считал, что это Бог ему дал и благодарил его. Когда не получалось и его настигали несчастья, он думал, что кто-то помешал Богу помочь ему, человеку. Тогда у него возникал вопрос: кто бы это мог быть, кто смог помешать Богу, сделать ему, человеку, хорошо. Ведь Бог создавал человека по образу и подобию своему. Значит и в нём, человеке, есть частица Бога. Что же это за сила, способная соперничать с Богом и мешающая тому делать человеку хорошо? Человек, не ведая того, до чего ещё его может довести его же собственный ум, взял и поделил Бога на части. Единую энергию мироздания, которая и является Богом, он, для простоты понимания, разделил на отдель-

ные составляющие и наделил их чертами личностей. Первые, самые древние религии завели отраслевых Богов и распределили между ними обязанности, они отвечали за отдельно взятые направления в мироздании. Одни за Солнце, другие за Луну, третьи за урожай или торговлю, четвертые – за удачу в войне или любовь. Кто-то ведал подземным миром или водами Океана и так далее. Им противодействовали столь же всемогущие, но нехорошие Боги, или демоны, столь же, да не столь, а немного слабее. Так было проще объяснить негативные явления, происходящие в мире. Так появилось понятие добра и зла. Человек становился умнее. Более поздние вероисповедания упростили схему, чтобы человек меньше задумывался над истиной. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед пророк его...». Но без помощников Бог всё равно не мог обойтись, ведь в представлении человека творить добро – значит бороться со злом. Значит, надо было создавать условия для этой борьбы. Христианство применило ещё более новаторский приём, сводящий понимание к примитивной схеме. Есть Бог, есть Дьявол, живёшь правильно, служишь Богу – попадёшь после этой жизни в Рай, в команду к Богу. Живёшь неправильно, служишь Дьяволу – будешь вечно жариться на сковороде в Аду. Так было проще объяснять людям необъяснимое, да и управлять ими стало легче. Ведь при помощи такого инструмента, как религия, можно внушить человеку что угодно. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...». Однако всё-таки ДУХА, то есть энергии... аминь. И помощников Богу тоже определили в лице святых, покровителей, пророков. Более древний Индуизм использует схему проще и логичнее. Есть Бог-созидатель Брахма, есть Бог-разрушитель Шива. Все они самостоятельны и автономны в принятии решений; для «выхода в народ» и общения с ним имеют различные воплощения и аватары. Но над всеми стоит Вишну – соединяющее и уравнивающее начало. Тот, ради кого и по прихоти кого всё это существует. Но ведь у истины не может быть прихотей, значит, человек ему для чего-то нужен, ведь не просто же так – по образу и подобию..., хотя какой уж там образ? Человек не мог осознать Бога. Ему надо было обязательно отождествить его с личностью и придать ему человекоподобные черты. Ведь что такое ЭНЕРГИЯ, чело-

век до сих пор до конца не разобрался и объясняет себе на примитивном, научном уровне. Даже селил он Богов высоко, над собой, чтобы они лучше видели и внимали ему. Римский пантеон обосновался на Олимпе. Христианский Бог вообще на Небесах. А Шива – на горе Кайлаш, в Гималаях. Шива – очень серьёзный и грозный Бог. Он Бог разрушения. Он та часть мироздания, которая ведаёт уничтожением старого и отжившего. Ведь нельзя построить новое, не расчистив место и не убрав отслужившее. Поэтому в Индуизме Шива весьма почитаем и уважаем. Возможно, Индуизм понимает, что нет Добра и Зла, нет Рая или Ада. Всё это разные стороны единого целого. В мире должен быть баланс, равновесие. Бывает, в мире наступает момент, когда равновесие нарушается, старое ведёт себя отягчающе для мироздания и мешает ему. Тогда у Шивы наступает горячее время, и он принимается за работу. А начинает он свою работу с танца, во время которого медитирует и даёт миру понять, что он приступает к своим обязанностям. Танец этот ощущается во всём мире. От этого просыпаются вулканы, начинаются землетрясения и стихийные бедствия. Появляются новые болезни и приходят эпидемии. Происходят войны и гибнут целые государства. Случаются кризисы и катастрофы. Иногда это происходит мгновенно, иногда годами и даже столетиями. Шива уже начал свой танец, значит – землю ждёт обновление.

Начало

Аэропорт «Домодедово» встречал пассажиров обычной рутинной суетой, достигающей своего пика в это время года. Начиная от шлагбаумов, где необходимо было остановиться и нажатием кнопки на щитке добыть себе въездной талон, образовалась очередь из машин, подвозящих отъезжающих. Не прекращающаяся уже более двух десятков лет стройка вносила свои поправки в удобство передвижения по территории, особенно для пассажиров с детьми и громоздким багажом. Скучающие милиционеры охраняли рамки металлоискателей, которые были установлены при входах в терминал и проработали пару месяцев. Это произошло после серии терактов, для усиления проверки входящих. Когда усиление закончилось, рамки выключили. Но стражей порядка оставили при них, видимо, для пущей важности и охраны этого дорогостоящего оборудования. Шла последняя декада декабря. Для россиян уже начался «хай сизон». Многие старались покинуть столицу, чтобы встретить в тёплых краях накатывающийся вал праздников, начиная от католического Рождества, Нового года и так далее, по порядку. Зал регистрации обострял ощущение предстоящего веселья нездоровым ажиотажем, бликами озабоченных лиц, ищущих стойку своего рейса, цветными пятнами чемоданов и курортной одежды отпускников, контрастирующей с тоскливой пасмурной погодой за огромными стёклами зала. Многие, чтобы не тащить с собой на юга, отдавали зимнюю одежду провожающим и щеголяли в цветастых майках и шортах а-ля большие семейные трусы в цветочек. Зима в этом году не торопилась, оставляя Москву серой и бесснежной. Регистрацию на рейс Москва-Гоа уже объявили, и несколько групп пассажиров заняли очередь в ожидании, когда заработает компьютер, можно будет получить посадочный талон и избавиться от тяжёлой ноши, сдав её в багаж. Первым у стойки оказался мужчина лет тридцати пяти, впрочем, возраст определить было сложно, лицо его наполовину скрывали длинные, редкие волосы, спускающиеся от пробора

по щекам и забранные сзади резинкой. Сквозь них просматривались шрамы от ожогов, пигментные пятна со следами пластических операций. Одет он был не по-гоански, в тёртые джинсы и простецкую рубашку с длинным рукавом, застёгнутую на все пуговицы. Куртку он засунул под ремень рюкзака. Из вещей у него имелись упомянутый небольшой рюкзак и завернутая в полиэтиленовую плёнку огромная ёмкость, обвязанная ремнями и более напоминающая маленькую ванну. За ним пристроился немолодой уже гражданин, годам к пятидесяти. Также отмеченный шрамами на лице, но не от пламени, а, скорее, от последствий бурно прожитой жизни. Этот был одет во всё чёрное. Расстёгнутый ворот рубахи и закатанные рукава показывали миру татуировки, не оставляющие сомнений в его тюремном прошлом. Подтверждалось это и характерным взглядом, и отсутствием двух передних зубов. Взгляд был очень внимательный, пронзительный и колющий. Всё вкупе давало представление о серьёзности тех статей, по которым он отбывал наказания.

— Давайте документы, — безразличным тоном произнесла девушка из-за стойки, обращаясь к очереди.

Человек с обожженным лицом передал паспорт с вложенными в него бумагами и застыл в ожидании. Девушка, глядя в документы, произвела над клавиатурой магические пассы, глянула на пассажира и спросила:

— Место у окна хотите?

— Не принципиально.

— Багаж сдаёте? — Она наклонилась в сторону, чтобы лучше видеть, что у пассажира в руках.

— Нет, это с собой в салон возьму.

— Ой, вы знаете, в салон с такой кладью не пропустят, сдайте в багаж.

— Понимаете, — сказал тот, явно стесняясь, — это очень ценная вещь. Даже не ценная, а гораздо больше. Это купель, она освящённая. Я сам священник и еду в Гоа открывать храм. Негоже её в багаж сдавать, мало ли что, разобьют при погрузке, уж лучше я сам понесу.

— Да как же вы её в салон? — Растерялась девушка. — Где же вы её там пристроить сможете, таких размеров?

– Необходимо так, – ответил священник. – Хоть на руках держать буду, но не могу в багаж сдавать.

Девушка озадачилась и, подумав минуту, взяла в руки переговорное устройство.

– Тут такое дело, – сказала она в трубку. – Батюшка летит рейсом на Гоа. У него багаж негабаритный, сдавать не хочет, говорит, это священная вещь для храма, её нельзя сдавать.

В трубке затрещало и мужской голос пробулькал:

– Чего хромает, повтори, не понял, что там у вас стряслось.

– Подойдите, пожалуйста, сюда, надо вопрос с пассажиром решить. Ситуация нетривиальная, – членораздельно произнесла она в микрофон и далее обратилась к пассажиру. – Извините, сейчас подойдёт представитель авиакомпании, я не в силах своей властью решить ваш вопрос, мы не можем по инструкции пропустить в салон ручную кладь такого размера. Вы с ним поговорите, я думаю, он всё уладит.

Прилично собравшаяся очередь с любопытством наблюдала эту сцену. Некоторые из интереса ожидали развитие ситуации, некоторые смотрели на виновника её с сочувствием, а некоторые как на ненормального. Кто-то отпускал по этому поводу шутки, а кто-то предлагал проверить у товарища документы, ведь должно же быть у священника удостоверение, подтверждающее его принадлежность к «служителям культа». Компания молодёжи в характерных одеяниях, с фенечками и дредами, громко смеялась, незаметно крутя пальцами у виска и высказывала мысли, типа, что «вот только православной церкви в Гоа ещё не хватает, наставлять народ на путь истинный после пати. Там своих Богов немеряно, а батюшка, по ходу, дунул уже, не дождавшись прибытия на Индийскую землю». Батюшка, тем временем, не обращал ни малейшего внимания на подколки и возникшую по его поводу заминку в процедуре регистрации. Он терпеливо ждал представителя авиакомпании, как и подобает человеку его положения. Стоящий за ним пассажир с уголовным прошлым также не сильно реагировал на происходящее. Он иронично наблюдал, лишь только обернулся на высказывание стоящей за ним полной дамы в шубе, смысл которого сводился к тому, что и тут най-